

Описание наполнено терминологией родства на хинди и разными схемами, но заметно, что искомой стройности, единообразия и порядка в интерпретации обилия фактов, собранных в поле, автор не достиг. Принципиальная неудача в попытке создания схемы унифицированных (хотя бы для одного региона) родственных подразделений в связи с кастой очень показательна. Признавая значение «подкасты», А. Мейер, к сожалению, не углубился в рассмотрение того факта, что по внутреннему составу различаются между собой не только подкасты разных каст, но и подкасты одной касты. А это хорошо видно по его материалам. Такое невнимание к конкретным родственным связям очень характерно для западной науки, даже когда исследование посвящено родству и наполнено самыми интересными фактами и материалами.

Самое грустное во всей этой истории борьбы мнений — то, что правы все. Только надо учитывать, что «кастовая система» видна на уровнях, где располагаются *джати* и кастовые общности, сами состоящие из разных *джати* (я называю их комплексами *джати* и первой в их числе считаю касту), а родственные отношения видны на уровнях подразделений самой *джати*. Уже поэтому *джати* — базовая единица кастового общества. Только находясь на уровне *джати* и проводя анализ ее функциональных особенностей, можно составить стройное представление о характере и особенностях кастового общества. Если исследователь старается понять и разъяснить универсальный принцип организации «кастовой системы», как это сделал Л. Дюмон, который его действительно разъяснил, то и впрямь нет нужды углубляться на уровне родственных связей. При этом сущностную роль *джати* надо признать, чего Л. Дюмон и его сторонники не делают. И не нужно отказываться от рассмотрения родственных начал любой кастовой общности. И, наоборот, если исследователь принимает во внимание родственные отношения, то необходимо довести их рассмотрение до уровня функциональных надклановых связей, вершиной которых является именно *джати*. Но эта задача почему-то практически даже не формулировалась знатоками индийского родства.

Эндогамия в кастовом обществе.

Эндогамия считается главной характеристикой касты, возводится к установлениям дхармашастр и рассматривается как способ сохранения ритуальной чистоты касты. Наиболее последова-

тельно такой подход выдержан в теории Л. Дюмона [Dumont 1988]. «Регуляция брака — это выражение принципа разделения: касты отделяют себя друг от друга, запрещая браки вне пределов группы, так же как они запрещают бытовые контакты и общение между людьми, принадлежащими к различным группам» [Dumont 1988: 109]. Верование не приходится игнорировать, но важно и другое: принцип эндогамии регулярно соблюдается в индийских неиндуистских общинах, где никакая «вера в эндогамию», на каких бы основаниях она ни строилась, не формулируется. Дополнительным поводом для раздумий может послужить такое обстоятельство: на практике рука об руку с эндогамией идет гипергамия. Это обстоятельство хорошо описал К. Фуллер, который говорит: «Касты обычно эндогамны, то есть муж и жена принадлежат к одной касте, и это же каста их детей. Если брак заключается через кастовые границы, тогда это почти инвариантно гипергамный брак, так что женщина выходит замуж в более высокую касту. Даже сегодня очень немногие индуисты, кроме самых либерально мыслящих представителей городской элиты, свободно вступают в браки “по любви”; преобладающее огромное большинство брачных союзов заключается родителями молодоженов по правилам эндогамии или гипергамии. Принцип сговоренного брака является, возможно, самым прочным основанием для существования кастовой системы» [Fuller 1992: 14]. Но в теории она, гипергамия, не считается признаком касты. Почему?

Пользующееся практически полной поддержкой объяснение принципа эндогамии содержится в теории Г. Рисли. Главное ее положение говорит о том, что межрасовый конфликт ариев и автохтонов Индии вызвал к жизни кастовую организацию общества. Вслед за древними брахманскими теоретиками и сам Г. Рисли, и его последователи рассматривают эндогамию как защитный механизм для обеспечения этнической изоляции ариев в условиях контакта разнородных культур и рас, почему эта теория получила название «теория культурного шока». Г. Рисли сопровождает эти идеи аргументами расовой теории, имевшей заметное влияние в английской колониальной этнографии начала XX в. В современной трактовке это объяснение звучит уже мягче: «Группы, которые практикуют эндогамию, отличаются друг от друга в своих привычках и образе жизни, культурных особенностях и во многих случаях этническим и расовым происхождением» [Bauyl 1999: 28]. Г. Рисли разъяснил и происхождение гипер-

гамии каст: она также появилась в период арийского завоевания Индии, когда недостаток женщин среди ариев заставил их брать жен из местных племен, но не давать им взамен своих дочерей [Risley 1915: 179]. Теория Г. Рисли следует брахманическим идеям, и в ней научные термины «эндогамия» и «гипергамия» фактически замещают брахманическое понятие *анулома* (*anuloma*) — разрешенный брак «по волосу», когда по статусу своих *джати* жених и невеста равны или невеста стоит ниже на одну ступень.

Эндогамия как сущностная характеристика выводит практикующий ее коллектив из ряда «умственных» конструкций, цеховых, профессиональных общностей, к числу которых относится каста, в область биологического воспроизводства. «Брак — это наиболее важный фактор в кастовой системе, и обычаи, которые его регулируют, могут быть описаны только в терминах касты или каких-то племенных общностей, которые очень напоминают касты (по этому параметру. — *Е. У.*) или представляют стадию в том процессе, в котором развивалась каста» [Bayly 1999: 155]. Более или менее общепризнано, что эндогамные подразделения надо называть «подкасты», «подподкасты» и т. д., а экзогамные надо именовать индийскими словами типа *кула* (*kula*), *готра* (*gotra*), *тхок* (*thok*), *мул* (*mūl*) и т. д.

Эндогамия касты, судя по свидетельствам исследователей, очень часто «нарушается». И. Карве говорит: «Каста является эндогамной группой. Брак накладывает определенные обязательства и права и дает статус потомству. В этом отношении кастовая эндогамия может быть названа практически полной. Строгая эндогамия касты нарушается двумя способами. Первый — это законный брак между женщиной более высокой касты и женщиной более низкой. Это называется “гипергамия” и наблюдается в некоторых частях Индии среди определенных каст, но не является общим правилом. Второе отступление от эндогамии имеет мало отношения к браку как таковому, это явление “биологического смысла”. Такое отступление от эндогамии относится к сексуальным связям, которые переходят через границу касты, и оно мало влияет на систему семейных отношений или кастовую организацию в целом. В этом ряду надо упомянуть такие явления, как сексуальные контакты с наложницами, домашними служанками и публичными женщинами <...> Эта практика не была редкостью еще каких-нибудь 25 лет назад (книга И. Карве опубликована в 1961 г. — *Е. У.*). В качестве наложницы мужчина мог взять вдо-

ву из более низкой касты. Никто ни от кого не скрывал эти два вида нарушения эндогамии. Общество также вполне спокойно относилось к тому, что мужчина имел более или менее постоянные отношения с другими женщинами в тайной, скрытой от посторонних глаз форме <...> Землевладельцы и представители аристократических и правящих фамилий имели свободный доступ к служанкам, которые жили в доме, особенно к служанкам жены (их давали в приданое), и к особому классу специально защищенных в правах певичек и танцовщиц» [Karve 1961: 68–69]. Далее И. Карве рассказывает, что она видела особый документ, в котором оговаривалось обеспечение для «дополнительной жены» и ее потомства. Все эти ситуации можно бы совсем не обсуждать, если бы традиционное общество не относилось к рожденным в таких союзах детям со всей серьезностью. Они всегда причислялись к *джати* своей матери. Поэтому И. Карве считала, что здесь нарушается «эндогамия касты».

С моей точки зрения, эти факты имеют отношение к проблеме формирования новых *джати*. В описанном И. Карве варианте и в других подобных случаях, насколько мне известно, «каста матери» бывала нестандартная: упомянутые женщины происходили из разных невысоких *джати*, но по признаку своей профессии находились в новой «сборной» искусственной «семейной общине», аналоге территориального кланового подразделения обычной *джати*. Женщины этого круга, вырванные из своих семей и не имеющие права туда возвратиться, не имеющие мужей, должны были иметь статус в обществе, и «каста матери», как называет эту псевдосемейную общину И. Карве, давала им социальные гарантии. Статус женщин внутри этой составленной из многих подобных псевдосемейных общин *джати* повышался с рождением ребенка и зависел от кастового статуса отца ребенка. Дети такого происхождения имели немного путей в жизни, но в любом случае у них был полученный по рождению статус в обществе (как того требует кастовый строй), и этот врожденный статус предопределял их социальные возможности и связи. Например, в Раджастане подобным образом формировались *джати гола* (Gollā), *хавас* (Navās) и т. д. В раджпутской среде кастовой профессией потомков «дополнительных» жен было выполнение всяких вспомогательных обязанностей в хозяйском доме и в семейной общине, в которой они жили на правах самых бессловесных членов. Девочки становились служанками, как их

матери (например, стояли как живые торшеры с закрепленными на их теле масляными лампами-светильниками), а молодые люди помогали раджпутам-воинам как оруженосцы и пехотинцы в военных кампаниях. Это детально описано в раджпутских источниках, и ситуация не считается болезненной.

Самым впечатляющим примером «гипергамии каст» считается так называемый «брачный симбиоз» *наяров* и *намбудури*. О нем пишут все теоретики касты. Например, Л. Дюмон, имея в виду гипергамные браки между *намбудури* брахманами и женщинами-наярками, пришел к выводу, что «этнография наяров отменяет эндогамию касты» [Dumont 1988: 119]. Он считал, что на примере, как он выразился, с «намбудури комедией» видно, почему первичным и главным принципом кастовой организации нужно признать принцип иерархии, а не принцип сепарации каст друг от друга, проявляющийся в эндогамии [Dumont 1988: 120]. С увеличением фактического материала по этнографии отдельных общностей Индии стало заметно, что обычай гипергамного брака распространен едва ли не чаще, чем «эндогамия каст».

Из этого очередного теоретического тупика можно выйти, если вспомнить, что индийское традиционное мировоззрение не выдвигает эндогамию касты как самоцель. В разговоре об эндогамии кастовых общностей надо помнить, что это не просто брак в общине; это всегда брак в общине по особым правилам, то есть всегда в сочетании с экзогамией и иными обычаями заключения брака. И тут нас ждет откровение, и даже не одно. Оказалось, что *джати* одной касты практически никогда не вступают в брак друг с другом, то есть состоящие в них экзогамные подразделения не могут искать брачных партнеров через границы своих *джати*. Они вообще практически не общаются между собой — ни в быту, ни в ритуале: такое общение рассматривается как потеря престижа и как опасная «неправильным распознаванием, неразличением» близость. Это говорит о том, что того значения, которое приписывается эндогамии касты, на самом деле нет. Существует только эндогамия *джати*, основанная на экзогамии входящих в нее родственных групп. Функциональность эндогамных кастовых общностей проявляется именно на этом уровне. И она заставляет индийцев помнить о границах своей общности, идентифицировать себя именно с ней.

Брак в кастовом обществе является причиной причин. Брачные отношения — это та сфера, в которой проявляются все осо-

бенности индийского традиционного способа организации жизни, все то, ради чего кастовый строй существует. В строительстве и поддержании брачных контактов задействованы все ресурсы кастового общества. Это связано с мировоззренческими и религиозными ценностями и с тем значением, какое придается в этом обществе отношениям родства, которые формируются и поддерживаются посредством брака.

Брак доминирует в социальной жизни индуистов. Он является той универсальной ценностью, вокруг которой и ради которой выстраивается самый широкий спектр социальных взаимоотношений, а не только отношения между вовлеченными в процесс отдельными мужчиной и женщиной. Брачный обряд делает мужчину самым привилегированным членом общества, обладающим всей полнотой прав и священных обязанностей. Женщина вообще становится «замеченной» этим обществом только после инициации в него посредством брачного обряда, тогда, когда она становится нераздельной частичкой существа своего супруга. «Брак как самый важный социальный акт санкционирует и освящает связывание родственных групп через *каньядана* (*kanuādāna*, букв. “дарение девы-невесты”) от одной родственной группы другой. Люди самых разных регионов и статусных групп скажут, что брак имеет социальную ценность и значение, только если невеста не была замужем до него и бесспорно невинна. По той же самой логике нарушение, разрыв брачных связей, имеющих всеобщее значение и власть над всеми, является социальным потрясением космического масштаба, которое делает жену (и никогда мужа) человеком постоянной и неустранимой неблагоприятности» [Karve 1961: 55]. Но и все остальные родственники тем или иным способом оказываются вовлеченными в важнейшие контакты в своей родственной среде, неотступно поддерживают нужные связи, имеющие конечной целью поддержание существующих семей и устройство новых правильных браков. Ради этой цели постоянно идет строительство новых сетей общения, налаживаются отношения взаимного обмена и помощи, и вершиной всех усилий становится очередное «дарение дочери» единственному предназначенному для нее жениху, найденному в подходящей семье в нужное время. Вновь образованные связи и связи, традиционно налаженные, поддерживаются на всех направлениях и постоянно обновляются совместным участием в ритуалах, и эта ответственнойшая деятельность входит в сферу наставлений *кула-дхармы*.

Брачные отношения представителей разных подопечных *джати* с глубокой древности были и остаются постоянным и главным предметом забот брахманских учителей и жрецов. В своей наставнической и культуртрегерской работе с паствой они уделяют самое глубокое внимание вопросам «правильного брака» и правильного рождения новых членов общества, которых потом ведут по жизни (а она есть один большой ритуал), через всю цепь событий, через ежедневное культовое предписание, через фиксированные по времени ритуалы и через обряды жизненного цикла, главным из которых для каждого нового индуиста опять становится брачный обряд. Трудовая деятельность в индийском традиционном обществе также представляет собой особый ритуал длиной в жизнь, и она тоже связана с семейно-брачными отношениями.

При внимательном рассмотрении связанных с браком общественных отношений оказывается, что главный агент во всей этой титанической работе по воспроизводству кастового общества — родственная категория *джати*. Жизнь кастового индуиста проходит в заданном родством и браком кругу «своих», «наших братьев», «наших людей» — так буквально переводятся термины *джати* и *бирадари* (*birādārī*), которые индийцы употребляют в данном контексте. Между ними поддерживаются не только родственные эмоциональные контакты: часто эти люди не знают друг друга лично. Но между ними выстраиваются системные экономические и ритуальные взаимоотношения, а главное, царит непоколебимая уверенность, что все в этом коллективе — реальные и потенциальные родственники друг другу, то есть надежные и верные, неопасные товарищи по жизни. «В *джати* обо всех людях можно сказать, что они родственники друг другу: либо по браку, либо по кровному родству. Два человека могут непосредственно не быть кровными родственниками или свойственниками, но они могут оба иметь отношение к третьему человеку, с которым один кровный родственник, а второй связан с ним отношениями свойства» [Karve 1961: 17]. Эта черта жизни кастового общества носит в науке название «эндогамия касты» и, вероятно, является не причиной, а следствием мировоззренческого императива индуистов в отношении «правильного брака». «Правильный брак» — это брак вне запретного экзогамного круга близких родственников и внутри надежного и безопасного круга «своих», в *джати*. «Ужас эксцеста в Индии так же силен, как кошмар инцеста» [Mandelbaum 1970: I, 231].

Дж. Хаттон говорит: «Ограничения на брак очень различны и зависят от касты и региона. Многие из правил брака вряд ли можно назвать имеющими отношение к касте (то есть они «нарушают эндогамию». — *Е. У.*). Но до определенной степени каста управляет браком: каста практически всегда эндогамна, и подкаста очень часто тоже; каста либо содержит в себе экзогамные подразделения, либо соблюдает определенные правила, ограничивающие выбор брачного партнера. И когда эти правила конкретной касты нарушаются, каста карает за это своих членов. Этот контроль является одним из аспектов касты» [Hutton 1946: 56]. Это очень характерное высказывание: экзогамия считается как бы независимой от правил табу на инцест, которые идут будто бы параллельно с экзогамией *готр* и *кул*, или работают в их отсутствие. Антропология говорит нам, что правила «запрета на брак» существуют во всех *джати*, и часто они появились задолго до санскритизации и независимо от нее. Но после санскритизации эти правила были в большей или меньшей степени унифицированы и санскритизированы по моделям экзогамии клановых структур самих брахманов (*готра* и составляющие ее более мелкие подразделения), как предписано законоучителями. Отсюда такое разнообразие внутренней функциональной структуры кастовых общностей и наблюдающееся смешение терминологии. И, казалось бы, нельзя провести никакой логической связи между ними всеми.

Отправной точкой в рассмотрении этой проблематики станет положение, которое признают даже сторонники антиродственно-го подхода к кастовой проблематике: «...и сейчас, и в прошлые века термин *джати* гораздо чаще использовался для обозначения объединений из тысяч и иногда миллионов людей, с которыми каждый из них мог идентифицировать себя для таких целей, как, например, брак» [Bauhu 1999: 8]. Судя по приведенной здесь численности «джати», С. Бейли просто механически заменяет термин «каста» термином «джати». Это высказывание типично для общей теории касты. Но важно то, что многие исследователи признают, что браки в кастовом обществе заключаются все-таки между членами экзогамных подразделений эндогамной кастовой общности, а не просто в эндогамной группе между неродственниками.

Предписываемый дхармашастрами брак — это брахманический идеал, в выполнении которого сами брахманы должны де-

монстрировать особую скрупулезность. Отсюда характерные для брахманов разные запретительные брачные обычаи (как например, «детские браки», запрет на замужество вдов и даже отсутствие развода), которые имеют в глазах общества высокую ценность и сообщают практикующей их *джати* высокий социальный статус. Почти повсеместно кастовые общности, образ жизни которых разрешает развод и повторное замужество вдов, рассматриваются как отличающиеся от более утонченных и культурных групп населения своей нецивилизованностью и низкими нравами. Разные варианты «некультурных» и полусанскритизированных браков рассматриваются как особенности образа жизни конкретных *джати*. Даже в самих брахманских кастах наблюдается большое разнообразие брачных обычаев и строения *джати* в связи с ними. Исследователи говорят о необычных и по виду совершенно несанскритизированных порядках. Например, брахманские касты *баига* (Bāiga) и *агария* (Agariyā) Центральных провинций практиковали брак девушки с сыном брата матери, называя его «возврат женщины», или «отплатить за молоко». Идея в том, что, взяв женщину в ее семье, мужчина отплатит за нее, возвратив другую женщину, свою дочь, в следующем поколении. Этот обычай рассматривался как результат брачных контактов между ариями и дравидами: патрилинейные кланы хотели брать женщин из матрилинейных кланов, и те настаивали на возврате им женщин. Как бы то ни было, этот несанскритский обычай кросскузенного брака распространен у многих уважаемых *джати* Южной Индии. Он характерен даже для нескольких подразделений брахманов. Э. Тэрстон уверяет, что наблюдал его у *дешастха* (Deśasthā) — брахманов Махараштры и *айяр* (Ayyar) — брахманов Карнатаки [Thurston 1907: 54]. Все это брахманские группы северного происхождения, пришедшие в ходе санскритизации на Юг. «Есть сведения, что на юге страны маратхов сын или дочь брата может вступить в брак с дочерью или сыном сестры, если у них *готра* по отцу разная. Браки такого типа столь широко распространены, что часто мальчика женят на женщине, которая гораздо старше его. Даже австралийская система, которая разрешает браки между поколением дедов и внуков, была. В этом случае играет свою роль верование, что внук — это перерожденный дед» [Trautmann 1981: 28–29].

Брак будет верифицирован индуизмом в лице брахманов, совершающих этот обряд, только если он заключен по санскритизи-

рованным правилам, а именно: в брак вступают представители экзогамных групп, равных друг другу по статусу (изогамия) или различающихся по статусу на одну ступень (гипергамия). Именно экзогамные кланы могут вступить в отношения *анулома*! Правила брахманического брака подробно прописаны в дхармашастрах, а системы права, представленные в дхармашастрах, еще при англичанах были основой судопроизводства в сфере семейного законодательства. Современные законы о браке и о наследовании для индуистов были приняты в 1955 и 1956 г. соответственно. «В науке дхармы представлен шастрический идеал брака: “дарение девы” *каньядана* (*kanyādāna*). Это форма религиозного дара, то есть дар особенного, не реципрокного рода, и транзакция между дающим и реципиентом предполагает и поддерживает между ними отношения асимметричной природы <...> И все необходимые моменты в организации брака проистекают из такого понимания. Брак дарением начинается с символического принятия превосходства стороны жениха над стороной невесты <...> Эта идеология брака делает развод и замужество вдовы невозможным <...> Она также естественным образом включает патрилинейную перспективу» [Trautmann 1981: 27]. В таких отношениях берущие жену по определению имеют более высокий статус, чем дающие жену, и в этом представлении уже заложена иерархия и тенденция к гипергамии.

Напротив, дравидский кросскузенный брак *мурей* (*murai*), как считают исследователи, имеет выраженный реципрокный характер и построен на отношениях равенства. Для отдельного человека его кросскузены — это дочь и сын брата матери, сын и дочь сестры отца. Ортокузены — это дети двух братьев или двух сестер: дочь и сын сестры матери, сын и дочь брата отца. Категория ортокузенов в дравидских системах именуется теми же терминами родства, что и родные братья и сестры. Дравидские системы родства внимательно относятся к счету поколений и выделяют три поколения: нулевое поколение *эго*, поколение его родителей и его детей. В вопросах заключения кросскузенных браков всегда учитывается относительный возраст сторон: это не просто уточняющее определение, оно имеет содержательное значение и фиксируется особыми терминами. Общее правило брака *мурей* такое: мужчина берет в жены дочь брата матери или дочь сестры отца. Но при практическом применении это общее правило детализируется в связи с требованиями экзогамии, о существо-

вании которой в дравидских *джати* индологи практически не знают — они доверяют брахманам и их комментариям по поводу «дикости» и некультурности дравидских якобы кровосмесительных брачных обычаев. Брахманы исходят из того очевидного факта, что кросскузенный брак в принципе дает обмен дочери на невестку. И там, где демографическая ситуация не идеальная, и под влиянием уточняющих правил (матрилатеральное правило: в некоторых *джати* человек женится только на дочери брата матери; патрилатеральное правило: некто может, должен жениться только на дочери сестры отца), дравидский брак всегда имеет характер обмена сестрами, пусть и непрямого. А в разрезе поколений он дает постоянную связь по браку между двумя линиджами через повторение брачных союзов в каждом поколении. Брахманический брак с его правилами экзогамии запрещает обмен сестрами и его эквиваленты, и этот запрет действует на глубину пяти-семи поколений (по правилу *сапинда*). Существует и недетализированное правило: «берущие жен» не могут быть «дающими жен», и наоборот, нельзя взять жену там, куда отдана сестра. Поддержание особой родственной близости через брак кровных родственников запрещено в индоарийских и брахманических правилах брака, где сакрализованными законами определены запретные для брака степени родства, и даже неблизкие родственники не могут вступить в брак.

Очевидно, перед нами очередной сложный вопрос теории индийского кастового общества, а именно неизученность экзогамии родственных групп и ее «отдельное стояние» от кастовой проблематики. В индийских обстоятельствах этот фактор невозможно игнорировать. Еще Г. С. Гхурье наставлял своих коллег: «Все эти брачные направления, аспекты, измерения кастовой жизни были главным предметом интереса антропологов XX в. Под влиянием Л. Дюмона многие теоретики рассматривали брачные законы как определяющий принцип индийского социального строя, по крайней мере для тех, кто является индуистом. При таком подходе каста становится радикально отличающейся от родственно-ориентированных социальных систем, нарисованных антропологами для всего остального мира. “Кастовые индуисты” рассматриваются как строящие брачные сети, стоящие отдельно от кровных связей, происхождения и отношений свойства. В то время как скорее кровные связи ответственны за социальные взаимоотношения людей» [Ghurye 1969: 54]. Рассматривать брак

в традиционном обществе независимо от родственных отношений, от традиционной идеологии брака, связанной с правилами избегания инцеста и т. д., обращая внимание лишь на иерархию кастовых общностей, действительно не совсем верно. Дальнейшие объяснения ставят своей целью дать аргументы в пользу моего тезиса: антропология множества разных *джати* показывает, что в вопросах брака — и на Юге, и на Севере — главное значение имеет паритет статусов у экзогамных составных компонентов каждой *джати*.

Экзогамия в кастовом обществе.

В кастовом обществе экзогамия носит характер структурного принципа, что говорит о решающем влиянии родственной самоорганизации на формирование и состав традиционной социальной организации. Однако требования экзогамии и конфигурации экзогамных кругов предельно запутанны. Они усложнились в результате наложения двух социальных систем: индоарийской брахманической с ее патрилинейными кланами, отраженной в законодательных установлениях санскритских дхармашастр, и автохтонной с ее традициями матрилинейности, которые ныне проглядывают из-под брахманических норм. Нарушения экзогамии способны обрушить *карму*, поэтому люди относятся к ним предельно внимательно. Но понять правила «культурной» экзогамии и тем самым избежать опасности нарушения *дхармы* очень непросто. При этом и сами брахманы не заинтересованы в том, чтобы правила избегания инцеста и эксцеста были ясными и понятными. В этой «мутной воде» они ловят свою рыбку. В объяснениях на тему правильного заключения брачных союзов их огромная власть; только за собой они держат право толковать тексты и законодательные установления, обычное право и астрологические знаки. За свои советы на эти темы они берут рисом и топленым маслом, медом и кокосами, новыми *дхоти* для себя и сына и шелковыми сари для жены.

Единственный способ внести ясность — рассмотреть строение *джати* как категории родственности в связи со строго соблюдаемой экзогамией родственных институтов. И будет более правильно придерживаться при этом брахманического учения и ортодоксальной терминологии, потому что эта тематика великолепно разработана древними индийскими законоучителями (Ману, Яджнявалкья, Нарада, Гаутама, Васиштха, Харадатта